

О.А.Кожеватова
Уральский университет

К вопросу о трансформации лексических единиц в условиях языкового взаимодействия (на материале севернорусской лексики)

Лексика севернорусских говоров с точки зрения ее происхождения представляет собой сложный конгломерат различного рода явлений, обусловленных множеством лингвистических (формальные и семантические воздействия, локальные тенденции внутриязыкового развития и т.п.) и экстралингвистических (особенности исторической ситуации на русском Севере, смена денотативного “интерьера” языка) факторов, основным из которых является участие в формировании лексического облика севернорусских говоров языков разных систем: русского и финно-угорских. Взаимодействие языков, имевшее место на русском Севере, не ограничивалось механическим включением финно-угорских лексических фактов в состав севернорусской лексики, но, как правило, вело к созданию гетерогенных элементов, в разной степени зависящих от своих прототипов в контактирующих языках. Наиболее гибкой, изменчивой оказывается при этом содержательная сторона, семантический облик языкового знака.

Сама ситуация миграции обуславливает такие трансформации языковой системы, которые значительно увеличивают ее способность к включению новых элементов. Язык, как и переселяющийся человек, попадает в ситуацию вынужденного приспособления к новым условиям существования. Смена жизненного ландшафта, перемены (иногда весьма значительные) условий быта, традиций приводят к тому, что слово лишается четкой денотативной отнесенности. С одной стороны, часть лексем совсем не находит своего денотата,

семантика других вынуждена приспособливаться к новым формам и признакам называемой реалии. С другой стороны, появляется большое количество новых реалий, требующих номинации.

Приведем для примера отражение следов подобной ситуации в лексике мезенских говоров. Поскольку бассейн р. Мезень осваивался позже, чем остальные территории Севера, то северноруссы пришли сюда с уже сформировавшейся, достаточно разветвленной системой географической терминологии, приспособленной к севернорусскому ландшафту. По большей части эти термины были заимствованы из финно-угорских языков и имели достаточно четкую семантику, закрепившую отнесенность к конкретному денотату. Географические условия Мезенского района, самого северного в Архангельской области, имеют значительные отличия от условий других территорий. Именно здесь проходит граница лесотундры и тундры, ландшафт резко меняется. Исчезают привычные для Архангельской области кондовые леса с четким контрастом строевого леса, мелколесья, лесных зарослей, топких, зыбких болот и т.п. Они сменяются однообразным ровным пейзажем, кое-где включающим лесную поросль, при общей заболоченности почв. Дифференциация семантики перенесенных географических терминов теряет денотативную поддержку, и поэтому термины, на других территориях противопоставленные друг другу, в мезенских говорах утрачивают свою специфичность. Очень близка семантика таких слов, как **суземок**, **павна**, **сахта**, **рада**, **уйда**, **дыбун**, **калтус**, **лыва**, **согра**. Это проявляется в их взаимоопределяемости: *Калтус – это такое радистое место; Павна – то же само, что дыбун.*

Расшатывание как семантики отдельного слова, так и целых участков семантического пространства в условиях смены реалий приводит к большей подвижности языковой системы, к ее готовности к постоянным инновациям. В этой ситуации возникновение языкового взаимодействия и внедрение иноязычных элементов в структуру русского языка происходит с большей легкостью, в том числе и в области

семантики. Растворяется грань между нормативным и ненормативным, своим и чужим. Это создает условия для возникновения различного рода сдвигов в семантике исконной лексики, ее варьирования на фоне иноязычных прототипов, результатом чего может быть увеличение числа семантических референтов слова, расширение сферы его употребления. Так, в севернорусских говорах в качестве субъектов глагола **печь** начинают выступать звезды, месяц: *Светлая звезда всегда на севере, ярко пекет; Месяц светлый пекет ночью: греть не греет, а пекет* (Арх. Карг – ТЭ); *По косицам пекут будто звездьышки, месяц пеке, красно солнышко пеке в оболоку* (Олон, Арх: Беломор – СРНГ XXVII, 11–12); **печь** приобретает значение ‘светить’. Данное употребление отражает семантический объем фин. **paistaa** ‘жарить, печь; светить (о солнце, луне, звездах)’: *aurinko paistaa kirkaasti* ‘солнце светит (= печет) ярко’, *ikkunoista valot paistavat* ‘в окнах светятся (= пекут) огни’ (ФС, 435), вепс. **paštta** ‘то же’: *t’ouž kudmaiñe pašttoi* ‘светила (= пекла) полная луна’ (СВЯ, 403).

С финно-угорским воздействием можно связать также возникновение у севернорусской лексики значения ‘голень’ (Арх: Леш. – ТЭ; Помор. – Меркурьев, 152). Несмотря на то, что оно может быть объяснено и на индоевропейской почве (ср. лит. **stiebas** ‘столб’, ‘ствол’, ‘стебель’, **stybýna** ‘у кого длинные голени’, **staibiai** ‘голени’, лат. **tibia** ‘берцовая кость, голень’ – Фасмер III, 750), более предпочтительным, вследствие отсутствия подобного значения в славянских языках и локальности лексики, представляется соотнесение севернорусского **стебель** ‘голень’ с коми **кокчöр** ‘голень’ < **кок** ‘нога’, **чöр** ‘стебель’ (соответствует морд. **s’äjär** ‘голень’, фин. **sääri**, эст. **säär** ‘то же’ – КЭСК, 311), ср. также мар. **βлрго** ‘стебель’, йал **βлрго** ‘голень’ (МС, 37).

Гетерогенность лексики может быть скрытой, проявляющейся в использовании иноязычной модели строения языковой единицы при исконности составляющих ее элементов. Приведем несколько примеров.

Финно-угорским языкам свойственно обозначение дей-

ствия через его локативную характеристику, что реализуется в словообразовательной модели *существительное* → *глагол со значением 'находиться, заниматься какой-либо деятельностью в месте, названном производящим словом'* (ср. вепс. **nitta** 'косить' < **nit** 'луг' (СВЯ, 362), **külbetada** 'купать' < **kül'bet** 'баня' (СВЯ, 254). Подобная модель ни в семантическом, ни в словообразовательном плане не представлена в русском языке¹. Поэтому возможно связать с финно-угорскими данными русскую лексему **лесовать** 'охотиться' (Арх: Вель, В-Т, К-Б, Кон, Нянд, Уст; Влг: В-Важ, К-Г – ТЭ; Арх, Карел, Пск, Костр, Влад, Влг, Вят, Удм, Перм, Урал, Оренб, Вост, Бурят, Сиб, Краснояр, Иркут – СРНГ XVII, 9), а также **лесня** 'охота' (Арх, Влг – СРНГ XVII, 9), **лесовня** 'то же' (Свердл – СРНГ XVII, 9), **лешня** 'то же' (Арх: Уст – ТЭ). Ср. фин. **metsä** 'лес', **metsästää** 'охотиться' (ФС, 373), карел. **meččü** 'лес', **meččuija** 'охотиться' (СКЯ, 203), вепс. **mec** 'лес', **mecata** 'охотиться' (СВЯ, 323), коми **вӧр** 'лес', **вӧравны** 'охотиться' (КРС, 133), удм. **нюлэс** 'лес', **нюлэскан** 'охота', **нюлэксаны** 'охотиться' (УРС, 214). Четкость финно-угорских соответствий, а также несистемность модели для русского (и славянских) языков заставляет отвергнуть предлагаемое составителями "Этимологического словаря славянских языков" отнесение русской лексемы **лесовать**, распространенной и по данным самого ЭССЯ только на русском Севере, к праславянскому фонду на основе ее словообразовательного подобия семантически отличным в-луж. **lěsować** 'зарастать лесом', ст-польск. **lesować** 'скрываться, прятаться в лесу' (ЭССЯ 19, 244). Более оправдано считать лексему **лесовать** новообразованием древнерусской эпохи, отражающим русско-финно-угорские взаимодействия. Широкое распространение слова может быть объяснено терминологизированностью лексемы, ее понятийной важностью для северноруссов, в том числе тех, кто впоследствии осваивал Сибирь.

¹ См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 54–62.

Следует обратить внимание вообще на большую распространенность в финно-угорских языках словообразовательной модели *существительное* → *глагол*, которая вбирает в себя и большее количество семантических моделей². Одним из специфических финно-угорских семантических наполнений указанной модели является определение промысловой деятельности через ее объект, ср. фин. **linnostaa** ‘охотиться на птицу’ < **lintu** ‘птица’³. На основании этого к финно-угорским данным легко можно возвести лексему **рыбовать** ‘ловить рыбу’ (Олон – Куликовский, 102), сопоставимую с вепс. **kalata**, **kalatada** ‘ловить рыбу’ < **kala** ‘рыба’ (СВЯ, 173), фин. **kalastaa** ‘ловить рыбу’ < **kala** ‘рыба’ (ФС, 189), карел. **kalastua** от **kala** ‘рыба’ (СКЯ, 120). В русском языке отношение этого действия к объекту проявляется либо в синтагме (ловить р ы б у), либо через номинацию человека, который занимается данным видом деятельности (рыба – рыбак – рыбачить).

Один и тот же иноязычный прототип может послужить источником различного рода влияний: он может передать контактирующей системе как один из своих элементов, называющий определенный объект действительности, так и только способ номинации данного объекта. Например, в финно-угорских языках имеется основа, которая отражена в фин. **selkä** ‘горный хребет, перекладина, перегородка, открытое море’, **selin**, **selällään**, **selällen**, **sölka** ‘спина, горный хребет, перекладина, открытое море’, **selkämä** ‘горный хребет, плесо, задняя сторона руки, граблей, стопы’, **selkämys** ‘спинка’, карел. **šelkä**, **selgä** ‘спина, хребет, балка, колодка граблей, открытое море’ (SKES IV, 995), вепс. **süug** ‘спина, колодка

² См.: Грамматика финского языка. М.; Л., 1958. С. 226–270; Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М., 1955. Ч.2. С. 226–279; Беляков А.А. Морфологическая система собственно карельского диалекта // Тр. Кар.-Фин.филиала АН СССР. Сер. лингв. Петрозаводск, 1954. Вып. 1. С. 92–93; Маркианова Л.Ф. О некоторых типологических особенностях глаголообразования в прибалтийско-финских языках северной группы // Вопросы финно-угорской филологии. Л., 1990. Вып. 5. С. 125.

³ Грамматика финского языка. С. 270.

граблей' (СВЯ, 534). Данные различных финно-угорских языков отражены в русских лексических заимствованиях: **шалга** 'грязь, островок леса и т.п.' (Влг: Вож; Арх: Вель, В-Т, Карг, К-Б, Нянд, Онеж, Плес, Уст, Холм, Шенк – ТЭ), 'поперечина граблей' (Арх: Вель, Нянд, Онеж, Плес, Шенк – ТЭ), **сельга** 'островок леса на болоте', 'возвышенное место', 'поперечина граблей' (Влг: Выт – ТЭ). Обращает на себя внимание, что ареал **шалга** 'поперечина граблей' занимает только западную часть территории. На восточной половине находим **хребет** 'поперечина граблей' (Арх: Вин – ТЭ), **хребтина** 'то же' (Арх: Пин, Холм, Шенк – ТЭ), **хребтинка** 'то же' (Арх: Вель, Вин, В-Т, К-Б, Пин, Холм, Шенк – ТЭ). Тожественность внутренней формы русской и прибалтийской-финской лексем, а также корреляция ареалов **хребет** / **хребтина** / **хребтинка** и **шалга** на фоне **шалга** в географическом значении позволяют предположить, что русская форма является калькой иноязычного слова, заместившей на ряде территорий собственно заимствование.

Иноязычные влияния могут, не затрагивая облика слова, его внешней и внутренней формы, пронизывать систему отношений, в которые оно вступает в языке. Так, с пермскими языками следует, по-видимому, связывать оппозицию **лезть** – **плыть**, отраженную в севернорусской лексике, ср.: **лезть** 'передвигаться вверх по течению' (Арх: Мез. – ТЭ), **плыть** 'передвигаться вниз по течению' (Арх: В-Т, Мез, Пин – ТЭ; **лазом** 'против течения' (Арх: Мез – ТЭ; Подвысоцкий, 81; Арх – Даль I, 234); **лазучи** 'то же' (Арх: Леш – ТЭ), **плавучи** 'по течению' (Арх: Леш – ТЭ). Неорганичность указанной семантики проявляется в том, что, во-первых, лексема **лезть** в русском языке не включает в семантику 'передвижение по воде', во-вторых, рус. **лезть** не дифференцирует координаты 'вверх / вниз', ср. определение В.И.Даля: "**лазять** или **лазить**; **лѣзть**; **лазывать** – ходить не по уровню, а подымаясь, либо спускаясь; идти круто кверху или книзу; карабкаться, взбираться, цепляясь руками; ползать, продираться..." (Даль II, 234). Аналогично рус. **плыть** также не отражает противопоставление 'вверх / вниз': "**плавать** или **плыть**; **плысти** – не то-

нуть, держаться на поверхности жидкости, по удельной тяжести, легкости своей, или силою движений своих, упором, гребом” (Даль III, 117). Севернорусская оппозиция **лезть** – **плыть** при ее необычности для русского языка обнаруживает четкое соответствие в языке коми: **кайны** ‘подниматься’, ‘лезть, залезть, влезть’, ‘пойти в направлении, противоположном течению реки, на подъем’ (КРС, 264); **кывтны** ‘плыть, поплыть по течению реки’ (КРС, 349). Наречное севернорусское противопоставление **лазучи** – **плавучи** также имеет аналог в коми языке: **катыд** ‘вверх (против течения)’, связанное с **кайны** (КРС, 272), **кывтыд** ‘вниз (по течению)’, связанное с **кывтны** (КРС, 349). Языковая разработка оппозиции ‘вверх / вниз по реке’, по-видимому, характерна для народов-рыболовов, ср. отражение оппозиции в енисейских языках⁴. Судя по языковым данным, в русских диалектах эта оппозиция является приобретенной, скорей всего, из коми языка.

О том, насколько сложной и многоплановой может быть комбинация разноразличных элементов, свидетельствует рус. диал. **мардас** (**мартас**) **выел** (**выкусил**) ‘о синяках, пятнах на теле человека, появляющихся, по народным поверьям, к смерти близких, плохому событию’ (Арх: Мез – ТЭ). Слово **мардас** фиксируется также в значении ‘видение, плохой знак’ М.Фасмер со ссылкой на Й.Калима возводит смол. **мардуй** ‘черт’ к эст. **mardus** ‘привидение, дурная примета, загробный голос’ (Фасмер II, 573), которое родственно фин. **marras** ‘существо, предвещающее смерть’⁵. Очевидно, к близким источникам восходит и арх. **мардас** (**мартас**). Согласно финским преданиям, **marras** – “необычный, большой, редкий зверь, рыба в снастях” – означает смерть ловца”⁶. Эстонский

⁴ Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск, 1987. С. 63.

⁵ Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования, 1981. М., 1982. С. 168.

⁶ Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991. С. 48.

mardus выступает как видение, неясный шум, голос, который предвещает смерть⁷. Фин. **marras** отражено также в названии месяца ноября – **marras kuu**, которое, согласно Л.Хакулинен, указывает на какие-то “древние религиозные представления о движении душ умерших в определенное время осени” Л.Хакулинен отмечает также, что фин. **marras** заимствовано из арийского **marras** ‘умерший, покойник’⁸. Таким образом, в финно-угорской традиции **marras** / **mardus** – существо (вероятно, тень, душа умершего), которое может через собственное явление или голосом, шумом предвещать смерть живущим, воплощаться в образе рыбы, зверя. Тот же комплекс смыслов перешел вместе с лексемой **мардас** (**мартас**) в русский язык и отражается в семантике контекстов: *Мардас – это значит хорошее что-нибудь попадет перед плохим: брат мой щуку вытянул и умер скоро; Вот привидится что, а потом и сделается что худое: вот говорят, мардас был, мардас привиделся; Привидится что – это мардас какой-то будет: если щуку пощупат кто – к плохому; Мардас – невидима животинка. На заимствованную семантику наслаивается и русская: *Мардас – наверно, домовейушко; Мартас меня во сне давил; Мартас овцам на ноги сено накрутит, накрутит, так смотреть страшно.**

Чаще всего лексема **мардас** / **мартас** употребляется в составе фразеологизма **мардас** (**мартас**) **выкусил** (**выел**), который является, на наш взгляд, полукалькой сложного слова одного из исчезнувших финно-угорских языков. По своей структуре калькируемое слово было подобно фин. **huunpurema**, **huunhaukko** ‘веснушка, синеватое или черное пятнышко, появляющееся на коже якобы к смерти близких родственников’ (SKES I, 91), где **huu-** семантически тождественно эст. **mardus**, фин. **marras** и сопоставимо с морд. **tšopatša**, **šopatša** ‘душа, призрак, тень’, к-зыр. **šen** ‘призрак умершего’, манс. **toβ toβi** ‘человеческий призрак, тень души’, хант. **toηx**,

⁷ См.: Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов. С. 168.

⁸ Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 2. С. 66, 67.

luŋe', iuŋ'k', luŋ'k' (SKES I, 91), а **-purema** < **purema** 'укус' (ФС, 490), **-hauikko** < **haukkoa** 'перекусывать, грызть', **haukata** 'откусывать, откусить' (ФС, 99). Семантика русского фразеологизма точно соответствует семантике финского сложного слова, ср. контексты: *Мардас выел – это пятна пошли, мардас выел – это к смерти; У сестры перед смертью это пятно желто было, мардас выел; Мардас выел: так если на видном месте, то к худу, а дак если в нутро, так к добру; Мардас выел, так смерть скоро, он у стариков всегда появляется; Синяк будет на ноги или на руки, скажут, мардас выел: если мардас выел в себе – покойники будут, а если в наружну сторону – плохо событие; Мардас выел на руке-то – скоро помирать.* Прозрачность семантики второй части фразеологизма (**выел, выкусил**) поддерживает представление о **мардасе** как о животном: *Мардас – животное что ли какое, говорят, мардас выел, если у кого синяк.* В контекстах как отталкивание от **выел, выкусил** появляется и мотивация семантики фразеологизма: *Мардас выел – пятна появляются на руках – там и зубы заметно; На теле образуется, я слышал, когда выело сине и зубы обозначены – мардас выел.* На русской почве возникает и полное переосмысление семантики **мардас**, который, исходя из его действия – **выесть, выкусить**, осмысливается как моль: *Мало ли какую плешину выел, пальто ли что, дыра какая: как будто мардас выел, мардас – летат животное така.*

Данный фразеологизм демонстрирует, что как формальный, так и семантический облик языкового знака оформляется в результате сочетания целого ряда разного рода тенденций и элементов, которые трудно, а подчас и невозможно однозначно определить в рамках оппозиции "исконное / заимствованное", но скорее следует представлять как цепочку переходных, "гибридных" форм.